

— Ленинград, 4 октября 1978 г.

Дорогой Сашок!

— Сегодня память св. Димитрия Ростовского (Туптало). Недавно "Наука" выпустила сборник его пьес. В кондаке этому святителю Петровской поры Церковь поёт: "ублажим златословесного учителя Димитрия: той бо всем вся написа, яже к наствалению". Всем, да ещё и всё, - это, конечно, не его кунштштюки, разыгрывавшиеся на придворном театре, а знаменитые 12 томов Четь Миней - не только классический, но и самый популярный в течение двух столетий труд в русской словесности.

— Но я, хоть и тезоименит ему, считаю своим святым преп. Димитрия Прилуцкого, память которого 24 февраля.

— Завтра же память ещё нескольких замечательных лиц, среди которых св. пророк Иона. Читал ли ты книгу его имени? Есть замечательный перевод С. Апта в 1 т. БВЛ. Кстати, недавно я читал в "Вечернем Ленинграде" интересную заметку о том, как одно английское судно неудачно гарпунировало огромного (20 м) кашалота, который перед этим опрокинул плававшую возле судна шлюпку с двумя матросами. Когда после борьбы с животным его наконец вытащили на палубу и распотрошили, то в гигантском желудке обнаружили одного из этих матросов. Он был жив, но без сознания. Когда его привели в чувство, он рассказал, что, когда он пытался бороться с волнами, вдруг он почувствовал себя захваченным в какие-то эластичные тиски, в которых он пульсообразно и быстро передвигался, как в трубе. Оказавшись в удушливом желудке кита, он не сразу понял, в чём дело. Когда же понял, то лишился чувств. Там всё это расписывалось в подробностях. Историю подписала вся команда судна. Мужуку, конечно, повезло: у кашалота ведь жуткие зубы, да и побудь он в желудке чуть подольше, от него ничего уже не осталось бы. Но всё же удивительно.

— А ещё завтра память св. Петра Мытаря. С его именем связана очень поучительная история, которую я часто вспоминаю. Он жил где-то при Юстиниане I и очень не любил подавать милостыню. Однажды, рассердившись на какого-то неотвязного попрошайку, он хотел ударить его камнем, но не нашёл камня под рукой, запустил в него одним из хлебов, которые он куда-то нёс. Во сне он вскоре увидел, как его хлеб, положенный ангелами на весы, перетянул все его злые дела. Как это отлично от строгой толстовской морали! После этого Пётр возлюбил милость. Стал неоскудно раздавать нуждающимся. С ним много было разных приключений. Среди них ещё одно очень назидательное. Однажды он отдал потерпевшему кораблекрушение свою дорогую одежду, которую тот (человек бедный), стыдясь носить, сменил на другую. Пётр ужасно огорчился, увидав свою одежду на базаре, вывешенную для продажи. Он подумал, что Бог не принял его жертву. Тогда в ночном видении Сам Иисус Христос явился к нему, облечённый в ту самую его богатую ризу, поданную нищему.

— И так каждый день вызывает в тебе десятки исторических, литературных, агиографических воспоминаний. А чего стоят эти ежедневные чтения крошечных отрывков из Св. Писания, распределённых так, чтобы за год прочесть его всё целиком. Да, жизнь Церкви богата. Изо дня в день праздник.

— 11 октября.

— К вопросу о логике.

— Чистой логики, как абсолюта, разумеется, нет и быть не может. Это наука, и, как всякая наука, есть вещь относительная, условная.

— Когда говорят просто "логика", не добавляя никаких эпитетов (математическая,

буддийская логика, логика Пор-Рояль и т.п.), то имеют в виду Аристотелеву логику, т.е. науку об обыденных законах, присущих человеческой практической мысли.

— Она основывается на 4-х "законах":

1) Закон тождества: Всегда $A \equiv A$.

2) Закон противоположности: Никогда $A \neq \neg A$ ("—" значит "не").

3) Закон исключённого третьего: Всегда $B \equiv A$ или $B \equiv \neg A$ и только так ("третьего не дано").

4) Закон достаточного основания.

Уже беглый взгляд на эти положения подсказывает, что это постулаты. Однако в практике обыденных человеческих отношений, в так называемом мезокосмосе (не в микро- и макрокосмосе) эти отвлечённые постулаты выступают как конкретные аксиомы, так что никому не приходит в голову сомневаться в их "законности".

Все остальные приёмы мысли, доказательств, определений, дедукций, индукций и т.д. должны не противоречить этим четырём законам.

Вещи можно определять различно, но если определяемые понятия имеют тождественные содержания, то и сами понятия (вещи) будут тождественны:

— А: А.С. Пушкин

$A \equiv B$

— В: автор "Медного всадника"

В нашем спорном случае:

— А: религия (определение: связь человека с Богом)

— В: моральное учение (определение: совокупность норм поведения человека)

— Как ни крути, как ни раскрывай эти краткие определения, нельзя сказать, что $A \equiv B$: содержание этих понятий различное, хотя частично их объём может совпадать.

— Сейчас недосуг задумываться, но, полагаю, твоя поправка приводит к увеличению совпадающих объёмов (когда ты "религию" заменил книгой "Нового Завета").

Ленинград, 12 октября 1978 г.

—

Дорогой Сашок!

Неужели ты думаешь, что я был раздражён или как-то задет твоим письмом? Ничуть. Ни в коем случае. Во что превратилась бы наша жизнь, ели бы мы стали сетовать на такие вещи, как то твоё письмо? Письмо открытое, интересное, без тени недоброжелательства. Просто вопросы близки мне, естественна и моя живая реакция. Так и всегда бывает и будет. И слава Богу. Унисон скучен.

Учительствовать я не желаю. Но с другой стороны оправдано моё желание чуть-чуть поделиться тем опытом, который я приобрёл: ведь ещё совсем не так давно я думал и чувствовал почти так же, как ты (в общих чертах). А теперь вот что-то переменялось. Мне самому это и удивительно и интересно, потому я и пишу. Старое-то во мне осталось, не выветрилось никуда, тем более мне любопытно сравнивать два одинаково понятных мне и живых факта: опыт неверия (до деталей ещё сохранившийся в моей памяти, как безошибочно мы храним в ней какой-нибудь запах, или цвет, или вкус с детства) и опыт веры.

Обращения сейчас не редкость (как и во времена Августина), но в течение 1500 лет между этими временами их почти не было: в основном люди верили с детства, не имея опыта неверия. Этим во многом объясняется недостаточность в таких разделах богословия

как апологетика: в ней не было нужды. А теперь она в самом центре, - отсюда апологетический тон моих писем.

—И у меня тоже (не вздумай!) нет ни малейших намерений в чём-то ущемлять или укорять тебя. Напротив, мною движет желание поделиться радостью, которой я обладаю, либо в виде крох и обрывков каких-то новых знаний, либо в виде далеко неадекватной передачи каких-то чувств.

—Случайные записки, или систематические письма, - воспринимай всё как доброжелательное и отнюдь не обязывающее к ответам, спорам, возражениям и т.п. Да и я буду возражать лишь тогда, когда захочется.

—Я держу в памяти твои размышления относительно таких предметов, как загробная жизнь, ощущение Бога в душе, спасение ... Может быть и буду писать на эти темы, когда представится возможность.

—В последнем письме ты писал, что любишь Новый Завет. Я тоже. Стараюсь ежедневно читать по кусочкам эту книгу на 3-х - 4-х языках. Там много непонятного. Во многом следует разбираться тщательнее, чем это сделано в тех скудных комментариях, которые приложены к той маленькой зелёной книжке.

—Я и раньше читал Новый Завет. Но, сравнивая свои нынешние впечатления с тогдашними (аналогичными твоим), с уверенностью говорю: ничегошеньки-то я не понимал. Это факт, причём факт известный не только мне. Так утверждают все обращённые. Собственно, тут и говорить не о чем. "Войну и мир" можно ведь прочесть в 10-летнем возрасте.

—Толкование Библии - интереснейшее занятие. На II курсе я писал семестровое сочинение по предмету Ветхий Завет на тему по истории герменевтики (толкования). Дал довольно пространный обзор множества герменевтических теорий от древности до 60-х годов XX века. Маленькую главку из этого сочинения прилагаю.

—Замечание: ты написал как-то, что сидишь за письмом ко мне около полуночи. Пожалей себя. Возьмите с Сашулей за правило ложиться часов в 11. Я стараюсь так делать всегда, иначе просто не выдержать дневной нагрузки. А встаю без будильника. Когда нужно будет, Бог сам поднимет: в 5 так в 5, в 9 так в 9. Конечно, когда утром надо точно к какому-то сроку, я ставлю будильник на поздний предел, но в такие дни я просыпаюсь раньше. Организм сам знает, что ему делать. Насилие над ним надо совершать только вечером, ложиться не позже 11-ти.

—Недавно, 9 октября у нас был престольный праздник нашей академической церкви - день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова, или, как его называют, апостола любви. Было множество гостей, в том числе митрополит Феодосии Американский - совсем ещё молодой, а с ним о. Иоанн Мейендорф - самый известный учёный-византист, работы которого часто появляются и в советских изданиях. Литургия, концерт - всё прошло очень нарядно и празднично. На годовом акте мне подарили книгу, о которой я давно мечтал - огромный Типикон.

—А 10/X было заседание Синода в Москве. К нам архиереем утвердили м. Антония Минского. Я его плохо знаю. Внешне это очень тихий, мягкий человек - полная противоположность Никодиму. Очень интеллигентен, из рода Нарышкиных. Никодим - из простых. Ректором оставлен Кирилл. Кто займёт место Никодима в Зап. Европе, пока не знаю.

—14/X в Покров будет 40 дней. Поминки. Опять съедется множество людей со всего мира. Говорят, 14-го же в Риме соберётся конклав.

—Всего наилучшего, целую, твой Дима.

Приведу здесь лишь отрывочек из "главки" Димулиного сочинения, приложенной к этому письму:

— "... Флоренский полагает, что лингвистический анализ слова подтверждает мнение о троякости смысла Св. Писания. Каждый из трёх смысловых слоёв Писания (ощутимо-буквальный, понятийно-отвлечённый и идеально-мистический) может подвергаться особому толкованию. "Усвоение читаемого или слушаемого происходит одновременно на трёх различных этажах: и как звук, вместе с соответствующим образом, и как понятие, и, наконец, как трепетная идея, непрестанно колышущаяся и во времени многообразно намекающая о надвременной полноте"...

— Семема - смысл и цель слова. Мы говорим ради семемы, ради значения слова. Но именно потому, что семема сугубо субъективна, она не дана в чувственном восприятии. В этом глубокая противоречивость слова. Противоречие это преодолимо только сверхчувственным путём. Ведущие диалог понимают друг друга не от чувственных и даже не от понятийных характеристик разговора, а только силою внутреннего общения.

— Это приложимо и к Слову Божию, выраженному человеческими словами. Идея (universale, вид, знак) живой горней реальности скрывается за образом (иконой) Писания, и открывается она лишь просвещённому взору, лишь тогда, "когда духовный взор получает силу подыматься над "плотским" миром чувственного" (о. П. Флоренский. Смысл идеализма. В кн. "В память столетия (1814-1914) императорской Московской Духовной Академии. Сборник статей.", ч. 1, Сергиев Посад, 1915, стр.98). Поскольку истинный опыт такого подъёма дан лишь в Церкви Христовой, то лишь участвуя в жизни Церкви и лишь в меру такого участия можно познавать идеи Писания. Всякое иное толкование хоть и возможно, но заведомо недостаточно. Так, в иконе можно видеть и изучать либо покрашенную доску, либо портрет или жанрово-историческую картину, либо Образ. Но именно изучать образ невозможно. Его можно лишь пытаться познать личным отношением к прообразу. Тогда образ просто оживает.

— Эта позиция Флоренского может показаться слишком категоричной. Такова она и есть на самом деле. Но при этом следует учесть, что высшее познание (нахождение семемы, подлинного смысла) для Флоренского не исключает пользы исследований на уровне фонемы и морфемы. И его герменевтический опыт в "Столпе и утверждении Истины" и в других книгах хотя и невелик, но очень ценен, его отличает прежде всего глубоко личное, глубоко научное и в то же время глубоко церковное отношение к толкуемым местам Св. Писания, истинное ведение которого, как и всякое знание вообще, даётся, по словам св. Григория Нисского, только в любви, -

— Письма от 11-го и 12-го откликаются на мою слегка обиженную реакцию на письмо от 3 октября.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)